

Донские казаки, покинувшие свою страну после поражения Белой армии в Гражданской войне в конце 1920 года, стали частью так называемой первой волны русской эмиграции. Её особенностью было то, что среди изгнанников было большое количество людей военных и, в первую очередь, офицеров. Из станции Гундоровской, на месте которой возник город Донец Ростовской области, так же, как и из других соседних станиц, значительное число казаков вынужденно оказались в эмиграции.

Находясь в составе Донского Гундоровского георгиевского полка, сохранившего дольше других признаки воинской организации, они пережили много событий очень тяжёлого характера, что и привело их в конечном счёте в стан непримиримых врагов советской власти. Точкой отсчёта стал 1921 год. Через двадцать лет после начала своего скорбного эмигрантского пути, в 1941 году, казаки Гундоровского полка поддержали агрессию фашистской Германии против СССР, и многие из них стали в ряды воинских частей вермахта. Такие деяния ни пониманию, ни оправданию не подлежат. Однако, освещение исторических событий должно быть полным, всесторонним и объективным, а таким оно может стать лишь при опоре на факты.

Наш земляк, краевед и писатель Сергей Сполох два последних десятилетия изучает малоизвестные страницы нашей местной истории и судьбы уроженцев донецкого края. Сегодня мы публикуем его очередную историческую статью. Читайте!

Гундоровские казаки во Франции

События 1922-1923 гг. в Болгарии, постигшая некоторые подразделения Донского Гундоровского георгиевского полка безработица и, как следствие, бескормица вынудили казаков искать новые страны, в которых можно было бы найти лучшую долю. Выбор выпал на Францию. Всё же эта страна была союзником России по закончившейся мировой войне, и первое время в Турции, в лагере Чилингир, и на греческом острове Лемнос казаки провели под патронажем французских военных. Это было цивилизованное государство, да и к тому же быстрее других стран Европы Франция оправлялась от послевоенной разрухи.

Как только позволила обстановка, генерал А. К. Гусельщиков вместе с генералом И. Н. Коноводовым включились в поиск лучшей доли для своих казаков. Об этом свидетельствует распоряжение по полку № 59 от 20 июня 1923 года:

«При сём объявляю для сведения список воинским чином отправленных в девятимесячный отпуск во Францию для подыскания работы».

Несколько партий офицеров и казаков были отправлены во Францию и Бельгию. Во Францию были отправлены группы во главе с генералом Сысоем Капитоновичем Бородиным, полковниками Поповым, Усачёвым и Мишустовым. В Бельгию была отправлена группа полковника Зенцева.

Казаки первых групп получили не самую лучшую работу по добыче медной руды в глубоких шахтах Мондевильских заводов. Горно-геологические условия были очень тяжёлыми. Спуск в шахту по наклонной галерее в 45 градусов на глубину 350 метров. Работа в тех местах, где уже были почти выбраны запасы полезного ископаемого. Ну и, конечно, тяжелейший труд в подземном забое. Но недели через три казаки приспособились и затем остались работать в шахтах и после окончания первого контракта. К началу 1925 года они стали зарабатывать не менее 20 франков в день, что было намного больше по покупательной способности, чем заработок на угольных шахтах покинутой ими Болгарии.

Помещались казаки на Мондевильских заводах в хорошем каменном доме, по несколько человек в комнатах. Каждому полагалась пружинная кровать с тюфяком, бельём и двумя одеялами. Казаки организовали котловое довольствие. Так было дешевле и проще.

На улицах Парижа. 30-е годы XX века.

Такси на улице Парижа. 30-е годы XX века.

Кашевары при этом освобождались от работы и получали паёк, а также 200 франков в месяц.

В неизмеримо худших условиях оказались казаки, поступившие в том же 1924 году на сельскохозяйственные работы к французским крестьянам. Здесь при чрезвычайно низкой оплате труда им пришлось работать от зари до зари. Причём казакам давали скудную, непривычную для русского человека еду, и жить порой приходилось в тех же помещениях, где содержался скот.

Более месяца они на таких работах не оставались и уходили, нарушая контракт и рискуя быть высланными из страны.

Сразу же по прибытии во Францию многие казаки стали изучать французский язык и стремились получить какое-либо распространённое в этой стране ремесло.

Во Франции, начиная с 1924 года, гундоровцы в основном сосредоточивались в городах Париже, Лионе, Ромбе, Кьютанже, в районе Бордо, а также в некоторых шахтах на тех же Монде-

вильских заводах.

«В районе «Бурже Дранси» работало около 60 русских, из них 20 казаков – на железной дороге под названием «Триаж». Работа – выгрузка и загрузка вагонов товарами малой скорости. Платят 2-10 франков в час, но главное, дают работать сверхурочно и 4, и 8 часов, и, в общем, наши казаки выработывают от 350 до 450 франков за 15 дней. Квартира на одного стоит 25 франков в неделю, а на двоих – 35 франков в неделю с уборкой хозяина. Содержание – от 10 франков в день».

Кое-кому удавалось хорошо устроиться на работу на сельскохозяйственных фермах. Привычный труд и обстановка среди своих казаков сразу приободряла выходцев с Дона.

Вот строки из письма казака-гундоровца из района Бордо:

«Хотя денег ещё не нажили, но одёты, обуты и накормлены. Нервы от шума свистков и гудков оздоровели. Живём, как у себя дома. Отношение хозяев в большинстве прекрасное».

Долина реки Гароны до Пиренейских гор представляет слегка всхолмленную степь, похожую на наш юг. Покупная цена земли очень низкая. Климат тёплый, зимы почти не бывает. В районе Бордо – сплошные виноградники, ближе к Тулузе – поля хлебов».

Обычный тип фермы – 15-16 десятин. Возделываются озимые. Сеют кукурузу, картофель, свёклу, люцерну, клевер. Занимаются понемногу скотоводством, куроводством (так в тексте), садоводством и огородничеством. Дома обыкновенно имеют две комнаты с кухней. Печей наших нет. Зато есть очаг с прямой трубой, под которой разводятся костёр».¹

Ну, что поделаешь, камин был не по казачьему нутру. В этом письме была ещё и такая приписка: *«Некоторые стали жить сегодняшним днём, оптимизма не имеют и стали устраиваться за границей».*

В эмигрантском журнале «Казачий союз» за март 1926 года приведена сводка о жизни казаков во Франции:

«В местах компактного проживания казаков были организованы курсы».

Автомобильные, с теоретическим и практическим курсом, продолжительностью два месяца и платой 205 франков и курсы автомехаников с платой 285 франков».

Курсы французского и английского языков, с занятиями три раза в неделю и платой 30 франков в месяц. А вот в Лионе казаки работали на сборке и ремонте железнодорожных вагонов. Плата была от 2 франков 50 су до 2 франков 80 су в час, то есть где-то 20-25 франков за рабочий день».

Таким образом, чтобы оплатить занятия на престижных автомобильных курсах, нужно было отдать заработок как минимум за половину месяца. Но тот, кто вовремя пошёл на водительские курсы, не прогадал.

Очень интересны по своему содержанию выдержки из писем казаков, которые они отправляли в Болгарию:

«С утра до вечера на машине работаю у Рено. В праздник работаю полдня или от обеда. Хочу сколотить монету и купить себе машину. Кое-кто из русских уже ездит на своих машинах. Работа, в общем, не тяжёлая, легче, чем на заводе или, не говоря уже о том, как у «братушек» в 1921-1923 годах в Болгарии. Летом, когда в Париже масса иностранцев, заработок лучше. Зимние месяцы иной раз за целый день выгоняешь несколько франков, или «франтей», как в шутку переделали русские».

«Очень много русских работает на автомобильных заводах «Рено» и «Ситроен». Живут в Бианкур. Русских можно увидеть в праздник там в кабачках. Нередко сидит компания из русских, марокканцев, негров и проституток. Сразу видно — русский, душа нараспашку. Обычно поздно за такой вечер пропивается недельный заработок, а пьют-то не с веселья. Среди нас, шофёров, есть и молодые, и старые, и рядовые, и генералы. Забавно иногда послушать разговоры где-нибудь в бистро или ресторанчике: «Никак нет, Ваше превосходительство!», «Так точно, Ваше превосходительство!», хотя все в одинаковых костюмах».

Казакий поэт Келин, прошедший с гундоровцами почти всё начало тяжкого пути эмиграции, вспоминал:

«В столице Франции я встретил много друзей детства и несколько сослуживцев по Донской армии. Большинство ребят были водителями такси и, смеясь, говорили, что за эти годы настолько изучили закоулки Парижа, что в случае чего могли бы оккупировать французскую столицу в два счёта. И действительно, русская пресса во Франции писала, что чуть ли не половина всех шофёров в Париже — русские офицеры. Так что мы были нарасхват, и ежедневно кто-нибудь из приятелей старался показать нам хоть кусочек города».

В 1928 году Болгарию постигло большое несчастье. Землетрясение разрушило три города и шестьдесят сёл. Серьёзные последствия стихии испытали на себе ещё пять городов и свыше семидесяти сёл. В них жили и гундоровцы. Эта беда ускорила отъезд многих ранее колебавшихся казаков в другие страны и в первую очередь — во Францию.

«28 июня 1928 года в русском офицерском собрании генерал Абрамов собрал отъезжающих во Францию на сельхозработы чинов Донского корпуса во главе с командиром Гундоровского полка генералом Коноводовым и пожелал им счастливого пути и хорошо устроиться на новом месте и не забывать своих родных частей, под знамёнами которых дрались и умирали их родные и близкие за освобож-

дение Родины. С отъездом генерала Коноводова оставшихся в Болгарии гундоровцев возглавляет полковник Духопельников. Командиром же Гундоровского полка по-прежнему остаётся генерал Коноводов».

На разные работы во Франции приходилось отправляться казакам-гундоровцам. В 1927 году одна из групп поневоле познакомилась с местами, где в годы Первой мировой войны шли самые кровопролитные сражения и где нужно было очистить окрестности от остатков смертоносного оружия. Порой это заканчивалось трагически:

«В группе, работающей на полях бывших сражений около города Арраса во Франции, 15 марта 1927 года произошло несчастье. Хорунжий атаманского военного училища Григорьев Александр, найдя 6-дюймовую гранату, вздумал, несмотря на предупреждение, сбивать медную головку — раздался взрыв, и хорунжий Григорьев был разнесён на мелкие куски. В это время сильно пострадал подходивший

Французская ферма в провинции Тулуза.

к нему рядовой Гундоровского полка Хлебный Максим. Разбита голова, вытек один глаз, оторван палец на руке, перебита правая нога».

В действительности в силу незнания языка, техники и тех же мер безопасности несчастные случаи не были редкостью среди работающих казаков.

То грузчик команду на железной дороге не услышал и угодил под вагон, а то ещё хуже — на металлургическом заводе казак упал в яму с горящим шлаком, и помочь ему уже никто не успел.

По каждому произошедшему случаю помещались короткие некрологи, подобные этому:

«Убит в автокатастрофе в Париже Беликов Глеб Никитич. Двадцати восьми лет. Уроженец станицы Гундоровской. Бывший студент Московского технического училища и юнкер Николаевского военного училища. Выпускник офицерских курсов при Атаманском училище».

Гундоровцы, уехавшие во Францию, не забывали своих станичников, оставшихся в Болгарии, и присылали им приглашения на въезд, при этом описывали весьма в радужных красках условия жизни и работы во Франции.

Казаки в эмиграции получали так называемый нансеновский паспорт, который был назван так в честь верховного комиссара Лиги Наций, знаменитого полярника Фритьефа Нансена.

Бланк для заполнения исходных данных и получения визы для въезда во Францию можно было купить в каждом кафе, и там же по образцу писалось

прошение на префекта департамента с просьбой выдать требуемые документы.

Если ставилась отметка «рэтур», то это давало право возвращения во Францию после вынужденного выезда. Стоило оформление подобной визы 57 франков, и действовал такой паспорт в течение одного года.

В разделе хроники в казачьих изданиях сообщалось о переселении в ту или иную страну.

В августе 1928 года было объявлено, что во Францию прибыли для проживания «...казаки и казачки станицы Гундоровской Гайдуков Г. Н., Шевырёв Н. Ф., Герасимов Н. Я. с женой Анной и дочерьми Ниной и Надеждой, генерал Коноводов И. Н. с женой, матерью и сыном».

В начале 1929 года генерал Коноводов, командовавший полком, утверждал: «Можно ожидать, что если в 1929 году не будет запрещён въезд во Францию, то в течение наступившего года почти все гундоровцы покинут Болгарию, и там останутся только

мясе. Также успешно развивалось и овцеводство. При хорошем уходе одна овца давала дохода в год до 450-500 франков».

Казаки научились делать по французской технологии сыр из овечьего молока или сдавали это молоко на промышленные сыроварни по 2 франка за литр. В хозяйствах среднего размера насчитывалось полтора десятка взрослых коров и одна или две пары быков. Коневодством в Тулузе местное население не занималось, что сильно огорчало казаков, но им всё же удалось поставить это дело, и не только для собственных нужд.

В журнале «Родимый край», в июльском номере за 1929 год, перечисляются фамилии выходцев из Гундоровского полка, прибывших большой группой в Париж: Ковалёв Е. К., Соколов В. В., Плешаков Т. Т., Буняев Ф. Н., Романовский Г. В., Каракулькин А. И., Рытиков А. Н., Самохин В. С., Герасимов С. В., Харахоркин Л. С., Климов М. Ф., Кузнецов П. В., Чеботарев Ф. С., Чиликин Г. Я., Конторовы Андрей, Бадма и Борис, Куликов Г. А., Михайличенко П. Н., Чернобровкин В. В., Дьяченковы Михаил Семёнович и Мария. Всего в тот месяц прибыли 48 человек.

После устройства групп к ним приезжал командир Гундоровского полка генерал Иван Никитич Коноводов и, посмотрев на их жизнь-бытьё, он составлял текст обследования, чтобы отправить его в Болгарию:

«Обследование, проведённое представителями казачьего союза во Франции и отправленное в виде приглашения в Болгарию. Август 1929 года».

Условия во Франции такие. Работа сдельная. Средний заработок чернорабочего в день — 32 франка, а опытного рудокопа — около 43 франков. Полное довольствие. Завтрак, обед и ужин. То и другое всегда с мясом и вином, обходится в 11 франков в день. Предложение выгодно для семейных в смысле квартирном. Каждая семья получает отдельный дом, в зависимости от размера семьи в две, три, или четыре комнаты. Плата за дом в две комнаты, считая электрическое освещение, — 11 франков, а за три комнаты — 5 франков в месяц.

При каждом доме даётся бесплатное место для огорода. На каждого ребёнка общество платит один франк в день» (общество — имеется в виду атаманская казна).

Несмотря на все европейские блага, казаки и спустя десять лет после того, как покинули свою Родину, тосковали о ней, но вернуться в родные края уже не пытались. На Дону началась сплошная коллективизация, а вместе с ней — и сплошные репрессии.

Сергей Сполох,
член Союза писателей России
Примечание:
Все иллюстрации,
использованные в настоящей
статье, взяты из архива автора
и общедоступных источников.